

Международное право: 60 лет после создания ООН

С. Ю. Марочкин

Окончание Второй мировой войны, становление послевоенного устройства, создание системы ООН существенно изменили картину мира. Переломный исторический момент стал рубежным и для международного права, изменившего свою природу, сферу действия, круг и виды субъектов, иные важнейшие характеристики. Устав ООН зафиксировал принципиальные основы современного международного права, став его центральным и конституирующим документом: все отрасли и институты базируются на целях и принципах Устава, развиваются на его основе. Непреходящую ценность Устава подтвердили государства — члены ООН, выразив в Декларации тысячелетия свою приверженность его целям и принципам, «которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер»¹.

Вместе с тем, спустя 60 лет после создания ООН, в начале нового столетия и тысячелетия современное международное право также претерпело немалые изменения. Они обусловлены крупными переменами в социальной и поли-

тической картине мира, усилением взаимосвязанности и взаимозависимости государств, а также процессом глобализации, который, очевидно, является неуклонным и необратимым. Многие проблемы, имевшие ранее внутригосударственный или региональный характер, стали всеобщими. Очевидна тенденция к интеграции, «стиранию» границ, созданию единого политического, экономического, финансового, правового пространства, которая наиболее ярко проявляется в пределах европейского региона и имеет предпосылки к развитию и расширению.

Все это неизбежно сказывается на содержании и развитии международного права, его характерных чертах, значении на общемировом и национальном уровнях. Анализ всех произошедших изменений и будущего облика международного права заслуживает специального монографического исследования, вместе с тем целесообразно обозначить оценки некоторых из наиболее значимых перемен².

Неуклонно усиливающаяся тенденция расширения и развития международных отношений имеет в качестве одного из следствий доволь-

Марочкин Сергей Юрьевич — заведующий кафедрой международного права, директор Института дополнительного профессионального образования Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

¹ Текст см.: Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 257—269.

² См. также: Хлестов О. Н. Прогноз развития международного права в XXI веке // Московский журнал международного права. 2001. № 2; Лукашук И. И. Победа в Отечественной войне и развитие международного права // Международное публичное и частное право. 2005. № 4.

но интенсивный рост правовой основы межгосударственного общения. Все новые стороны взаимодействия государств получают правовое закрепление. По более радикальным оценкам, «происходит поистине ошеломляющее развитие международного публичного права», которое в нынешнем столетии еще более ускорится³.

Едва ли не самый яркий пример — сфера прав человека, традиционно являвшаяся «закрытой» для международного сообщества, предметом внутренней компетенции государств. Ее беспрецедентно быстрое развитие в международном праве за последние 60 лет (включающее широкий спектр норм различного характера — от общепризнанных стандартов до положений о международных механизмах с обязательной юрисдикцией по защите нарушенных прав) — одно из самых значительных достижений. По образному выражению, произошло «вторжение» международного права в область прав человека⁴. Сегодня правовой статус личности определяется не только конституционными, но и международно признанными правами и свободами⁵.

Особенно заметно это также на примере исключительно важных для международного сообщества сфер, в которых в течение десятилетий не было очевидного продвижения (завершение работы Комиссии международного права по проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и включение его в специальную резолюцию Гене-

ральной Ассамблеи ООН, принятие и вступление в силу Статута Международного уголовного суда). Еще в 1948 г. в резолюции 260/III/V Генеральная Ассамблея признала, что по мере развития международного общения необходимость в наличии международного юридического органа, на который возлагается рассмотрение некоторых преступлений, будет все более ощутимой.

Международные отношения регулируются в основном политическими либо правовыми средствами. Политическое регулирование является основополагающим, причем в отдельных сферах занимало и занимает даже ведущее место. Отношения друг с другом строят сами государства. И хотя в конечном итоге выстраивается общий вектор развития в соответствии с объективными законами, он складывается из разно действующих усилий государств. Каждое на основе своей политики и интересов определяет отношение к международному сообществу и действующим в нем правилам. При прочих равных условиях эффективность международного права выше, если оно отвечает политической воле государств и доверия между ними. Безусловно, несмотря на формально-юридическое равенство всех, «удельный вес» политической воли разных государств, ее влияния на функционирование международного права различен.

Право в значительной мере играет обслуживающую роль. Его задача — закрепление в юридической форме и поддержание определенной системы отношений. Какова степень совершенства самих отношений, такова степень развитости правового регулирования и его действенность. Международное право, регулирующее весьма динамичные взаимоотношения государств и вместе с тем имеющее достаточно стабильный характер, может быть высоко- и малоэффективным в зависимости от их состояния. Крах

³ Brian Urquhart and Eskin Childers. A World in Need of Leadership: Tomorrow's United Nations, Dag Hammarskjold Foundation, Uppsala, Sweden, 1996.

⁴ См.: Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 93.

⁵ См.: Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 1. С. 101.

системы социализма и, как следствие, — прекращение существования двух противоположных социальных систем, а также общая тенденция к сдержанности, взаимопониманию и сотрудничеству создают предпосылки того, что *роль права в жизни мирового сообщества будет усиливаться*.

Изменяется сам характер международного права. Изначально по своей природе оно имеет координационный характер в силу суверенного равенства, независимости государств. Послевоенное устройство мира помимо всего прочего характеризовалось и разделением государств на враждующие лагеря, «холодной» войной, высокой степенью подозрительности и недоверия. Тем не менее развитие и усложнение межгосударственного общения привело к тому, что в решении многих вопросов стало недостаточным наличие только координационных связей. В последней четверти двадцатого столетия было отмечено появление и определенных субординационных элементов в механизме международно-правового регулирования⁶.

В начале нового века и тысячелетия есть основания говорить об очевидном усилении субординационных элементов. Получили развитие действующие, появились новые международные структуры, обладающие компетенцией (на основе международных договоров (соглашений) или решений международных органов) принимать соответствующие решения, в том числе обязательного характера (Суд ЕС, Европейский Суд по правам человека, Трибуналы по Руанде и по бывшей Югославии, Специаль-

ный суд по Сьерра-Леоне, Международный уголовный суд, Международный трибунал по морскому праву и др.). Очевидно, это неизбежная и необходимая тенденция. Без подобных элементов международно-правовая система вряд ли сможет играть заметную роль и вообще нормально функционировать во все усложняющемся мире.

В современных условиях особенно важно принятие оперативных и результативных мер со стороны международных органов от имени сообщества в целом для пресечения угрозы международному миру или применения оружия массового уничтожения, массовых нарушений прав человека, для наказания за тяжкие преступления, а также и от имени государств конкретного региона — для защиты индивидуальных прав или разрешения межгосударственных споров. В общих интересах — признание государствами компетенции или обязательной юрисдикции подобных органов.

Что касается нашей страны, то вполне правомерно ставить вопрос о необходимости более позитивного подхода к проблеме. Советский Союз традиционно и последовательно (за редким исключением) не признавал обязательную юрисдикцию международных судебных органов или компетенцию международных комитетов принимать и рассматривать жалобы отдельных граждан на нарушение их прав. На завершающем этапе перестройки отмечены два случая «доброй воли»: в 1989 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии оговорки о непризнании обязательной юрисдикции Международного суда ООН по спорам о толковании и применении шести конвенций о правах человека, в 1991 г. — три постановления Верховного Совета СССР о признании компетенции Комитета по правам человека, Комитета по ликвидации расовой дискриминации и Комитета против пыток при-

⁶ См.: Mosler H. The International Society as a Legal Community // Academie de droit international Recueil des Cours, t. 140. La Haye. Leyde, 1976. P. 31; Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев: Вища школа, 1982. С. 8—10.

нимать и рассматривать индивидуальные жалобы на нарушения прав по соответствующим международным договорам⁷.

Это были первые и, к сожалению, пока последние примеры подобного рода. До сих пор наша страна не признала в целом обязательную юрисдикцию Международного суда ООН (в настоящее время ее признали порядка 60 государств). Россия не ратифицировала на сегодняшний день Статут Международного уголовного суда, сторонами которого являются сто государств.

С усилением субординационных элементов в международном праве непосредственно связана и другая тенденция — более интенсивное, чем ранее, *развитие международного процессуального права*. Она была отмечена и начала исследоваться в отечественной литературе еще в конце двадцатого столетия, сравнительно недавно соответствующая тема появилась и в учебной литературе⁸. В нарастании процессуальной составляющей усматриваются значительные возможности повышения эффективности международного права. Оно в большей мере развивалось как право материальное. Государства прежде всего стремились зафиксировать в договорах взаимные обязательства, вопросам же имплементации обязательств, обеспечения их выполнения отводилась второстепенная роль. В результате нормы международного права порой служат не общим

согласованным целям, а индивидуальным интересам государств.

Когда процессуальный порядок обеспечения выполнения обязательств и защиты нарушенных прав нормативно не закреплен, потерпевшему государству трудно, а порой невозможно восстановить свои права. Очевидно, что именно в этой области находятся значительные нерешенные вопросы развития международного права. Если рассматривать вопрос шире, с точки зрения всего механизма имплементации, проблему можно представить следующим образом: договоры должны предусматривать не только взаимные обязательства сторон, но и систему средств обеспечения (стимулирования) их выполнения, а также меры в случае их нарушения — юридические средства защиты прав потерпевшей стороны и осуществления ответственности виновной.

В частности, это могло быть признание сторонами договоров на взаимной основе компетенции соответствующих международных органов или юрисдикции международных судов. В этом смысле договоры дополняли и конкретизировали бы Проект статей об ответственности государств (будем надеяться, в будущем — конвенции), который содержит лишь самые общие положения процессуального характера об осуществлении ответственности.

Большую роль в развитии международного процессуального права сыграла бы координация в деятельности международных судебных учреждений, учет практики друг друга, чтобы избежать полярного толкования одних и тех же норм. Противоречия в международной судебной практике уже отмечались в литературе. По мнению судьи Международного суда ООН В. С. Верещетина, Суд в немалой мере мог бы способствовать единообразному толкованию и применению международного права, давая консультативные заключения по наиболее

⁷ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 11. Ст. 79; 1991. № 29. Ст. 842, 843, 844, 845.

⁸ См., в частности: *Пушмин Э. А.* Международный юридический процесс и международное право. Кемерово, 1990; *Международное публичное право: Учебник / Отв. ред. К. А. Бекяшев.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004; *Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов.* 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006.

лее принципиальным вопросам, возникающим в деятельности международных судов и трибуналов⁹.

Динамизм современной жизни определяет необходимость и более динамичных способов формирования норм международного права. Безусловно, развитие международного права обоснованно связывалось и связывается в конечном итоге с договорным закреплением взаимных обязательств государств. Заключение договоров обеспечивает строгость и точность достигнутых договоренностей, большую определенность в отношениях, укрепление международного правопорядка. В этом же смысле несомненна ценность и кодификации — договорного оформления целых институтов и отраслей. В конечном итоге она способствует преобразованию международного права в стройную, согласованную правовую систему.

В процессе договорного закрепления обязательств и кодификации укрепляются юридические свойства и увеличиваются регулятивные возможности норм международного права: договор или комплекс договоров могут предусматривать наряду с нормами материального права и систему средств обеспечения их выполнения, более завершено решать проблему их юридической гарантированности. Знаменательно, что в резолюции по докладу Комиссии международного права на 28-й сессии Генеральная Ассамблея придала особое значение необходимости дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права с тем, чтобы «сделать его более эффективным средством осуществления целей и принципов, содержащихся в статьях 1 и 2 Устава ООН и в Декларации о принципах международного права, и увеличить его

⁹ См.: *Верещетин В. С.* Международный суд ООН на новом этапе // *Российский ежегодник международного права.* 2002. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2002. С. 32—34.

роль в отношениях между государствами»¹⁰.

Вместе с тем известно, что заключения договоров в ряде важнейших сфер приходится ожидать годами и даже десятилетиями в силу политических, идеологических и иных причин. Не факт, например, что принятие резолюции Генеральной Ассамблеи по Проекту статей об ответственности государств подтолкнет государство к скорому заключению конвенции. В данных условиях более скорому формированию правовых норм и динамичному развитию международного права могут реально способствовать иные формы — резолюции международных организаций и конференций, решения международных судов, «мягкое право»¹¹. Ссылки государств на положения подобных документов способствуют формированию устойчивой практики, постепенному признанию их юридической обязательности и как следствие — созданию обычных норм международного права. В частности, в заявлении от 8 июля 2004 г. в связи с постановлением Европейского Суда по правам человека по «делу Илашку» МИД России сослался на одно из положений резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г., в которую включен указанный выше Проект. Он содержит многие сформировавшиеся принципы и нормы международной ответственности. Данную ссылку можно толковать как признание со стороны России положений Проекта в качестве правовых норм.

¹⁰ Resolution N 3071 (XXVIII) Report of International Law Commission (A/9334).

¹¹ См., в частности: *Лукашук И. И.* Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1977. С. 124 и след.; *Безбородов Ю. С.* Роль норм мягкого права в международно-правовом регулировании // *Международное публичное и частное право.* 2004. № 6; *Бахин С. В.* Субправо. СПб., 2003.

Усиление взаимозависимости мира, нарастание общечеловеческих проблем обусловило расширение сферы общего международного права в традиционных и, что особенно знаменательно, в новых отраслях. Единые для всех проблемы возможно разрешить лишь объединенными усилиями, в числе которых правовые меры должны занимать не последнее место, поскольку правовое регулирование более экономично и результативно. Глобализация резко усилила взаимозависимость государств, поэтому в рассматриваемом контексте вполне обоснованно утверждение, что она может стать стимулирующим фактором для дальнейшего развития общего международного права, а также препятствием так называемой угрозе фрагментации международного права (распада его целостной системы)¹², которую оживленно обсуждают в последние годы в западной литературе. В Декларации тысячелетия ООН государства вместе с тем обозначили как главную задачу обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира, обрела всеохватывающий и справедливый характер.

Во избежание превратного толкования подчеркнем, что развитие общего международного права вряд ли можно представить как неуклонный однолинейный процесс и что оно займет ведущее место в общем массиве международного права. Преобладающим являлось и является двустороннее, локальное и региональное регулирование, поскольку собственные интересы государств могут быть реализованы быстрее именно на этих уровнях.

¹² См.: Колодкин Р. А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 48—49. Иную оценку см.: Рогожин С. Л. Мифы права. Опыт парадоксального анализа международного публичного права // Московский журнал международного права. 2003. № 3. С. 17.

В силу отмеченных выше тенденций неизбежно увеличение числа императивных норм общего международного права (*jus cogens*). Существование данной категории норм было отмечено в середине двадцатого века рядом известных юристов¹³. Фактом официального их признания стала разработка Комиссией международного права понятия *jus cogens* и включение его в Конвенцию о праве международных договоров. Концепция *jus cogens* находит последовательное подтверждение в договорной практике. Особое место и значимость этой группы норм Комиссия международного права обозначила также в Проекте статей об ответственности государств. Статья 26 оговаривает, что никакие обстоятельства, исключая противоправность деяния государства, не применяются, если речь идет о нарушении норм *jus cogens*. Им посвящена и специальная глава Проекта «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Предусматривается, что такие нарушения влекут особые последствия.

Предположение о расширении категории *jus cogens* выглядит сегодня скорее гипотетическим, поскольку как часть обычного права она развивается достаточно медленно. Вместе с тем некоторые общемировые проблемы, например, загрязнение окружающей среды, угроза применения оружия массового уничтожения, могут потребовать радикальных решений, в том числе правовыми средствами, и формирования императивных правил.

В числе наиболее значимых тенденций развития международного права — его возросшее и более тесное взаимодействие с национальными правовыми порядками, особенно его влияние на содержание

¹³ См.: Brownlie I. Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford University Press, 2002. P. 515.

и применение внутреннего права. Данная тенденция очевидна, и вряд ли кем-либо оспаривается. Говорят даже о новой «правовой связанности государств»¹⁴. Международное право во внутрисударственной жизни в настоящее время — не «инородное тело», а вполне привычный нормативный материал в деятельности всех видов органов государства, в первую очередь судов, а также граждан, юридических лиц, организаций.

Обеспечение действия и применения международного права в сфере внутрисударственной юрисдикции непосредственно в правореализующей практике, прежде всего через судебную систему государств, без длительного процесса инкорпорации в законодательство соответствовало бы современной динамике жизни. Реальность, однако, пока такова, что далеко не все государства идут по этому пути.

Что касается России, то принятие Конституции 1993 г., содержащей в числе основ конституционного строя страны достаточно радикальное положение об общепризнанных нормах международного права и международных договорах РФ как составной части ее правовой системы и о приоритете применения последних перед законами, стало поворотным пунктом в вопросе обеспечения внутрисударственного выполнения ее международных обязательств. На конституционном уровне определен вектор развития правоприменительной практики с непосредственным применением международного права наряду, совместно или вместо российского законодательства.

Данное конституционное положение было включено практически во все кодексы и федеральные

законы, принятые после Конституции. Таким образом, действующее законодательство основано на единых принципах и подходах к международному праву, что не было характерно для советского законодательства.

Все это неизбежно сказалось на расширении судебной практики, связанной с применением международных норм. Можно сказать более — она стала обычным явлением в судах всех видов и уровней — в системах арбитражных судов и судов общей юрисдикции, в Конституционном Суде РФ. В значительной мере именно от судейского корпуса зависит выполнение международных обязательств страны в рамках территориальной юрисдикции. Такая практика встречается и в уставных (конституционных) и мировых судах субъектов РФ, в которых они созданы. В советский период ситуация была принципиально иной: существовал только один вид судов общей юрисдикции, случаи же применения международного права были нечастыми.

Помимо усилившегося взаимовлияния международного и внутреннего права *изменилась в целом роль международного права*: оно служит не только традиционным связующим звеном в отношениях государств на международной арене, но и стало основой создания общего правового поля, общего правового режима (экономического, финансового, таможенного, образовательного и др.) в территориальных пределах государств, вплоть до унификации правовых норм. Инструментами данного процесса являются международные договоры (соглашения), международные структуры (организации, содружества, сообщества), союзы, союзные государства.

Возможно, одна из главных характерных черт развития — *изменение значимости тех или иных принципов среди основных принципов международного права*. Безус-

¹⁴ См.: Тихомиров Ю. А. Цели и формы государственно-правовой интеграции // Правовое обеспечение межгосударственной интеграции: Сб. статей. М.: Изд-во «Олита», 2005. С. 7—8.

ловно, в соответствии с Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г., все они должны толковаться и применяться во взаимосвязи. Но в разные исторические периоды тот или иной принцип может иметь большее либо даже основополагающее значение.

Таковыми в свое время были, например, принципы государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела. В период падения колониальной системы особенно актуальным был принцип самоопределения, прошедший путь от морально-политического положения до общепризнанного юридического принципа. Во время противоборства двух социальных систем советской наукой международного права в качестве базового, системообразующего выделялся принцип мирного сосуществования, остальные же принципы рассматривались как подчиненные ему¹⁵.

С падением системы социализма и постепенным утверждением в странах бывшего социалистического лагеря общедемократических ценностей принцип мирного сосуществования ушел в прошлое. Утратил прежнюю актуальность принцип самоопределения с решением в целом проблемы колониальной зависимости. Государственные границы, суверенитет, невмешательство уже не имеют прежнего значения, утрачивают черты незыблемости, о чем опять же свидетельствуют отмеченные выше процессы интеграции, стирания границ, создания общих правовых, экономических, иных пространств. Это явление и даже веление времени, отмечаемое как на официальном уровне, так и в доктрине. Очевидно, в какой мере развитие мира в XVII—

¹⁵ См.: Курс международного права: В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права. М.: Наука, 1989. С. 16.

XIX вв. было обусловлено становлением и укреплением государственности, суверенитета и невмешательства, в такой отстаивание сейчас их неприкасаемости будет идти вразрез с реальным развитием.

На одну из первых позиций выходит принцип уважения прав человека. И принцип невмешательства может не браться во внимание, если речь идет о грубых и массовых нарушениях прав человека. Практика ООН свидетельствует, что Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности принимали решения против государств вопреки их ссылкам на принцип невмешательства во внутренние дела, когда речь шла о нарушениях прав человека, о праве на самоопределение и о колониализме, о самоуправляющихся территориях¹⁶.

В рассматриваемом контексте правомерен вопрос о гуманитарном вмешательстве (интервенции) международного сообщества в дела конкретного государства для пресечения массовых нарушений прав человека¹⁷. Подчеркнем, именно сообщества, причем в случае необходимости применения вооруженной силы — с санкции Совета Безопасности. Хотя, надо отметить, до сих пор в литературе и на официальном уровне нередко еще отстаивается незыблемое значение принципов государственного суверенитета и невмешательства в противовес приоритету принципа уважения прав человека и в обоснование, в связи с этим, незаконности гуманитарного вмешательства¹⁸. Пред-

¹⁶ См.: *Brownlie I. Op. cit.* P. 296, 558, 601.

¹⁷ Обзор проблемы см., в частности: *Карташкин В. А.* Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире // Юрист-международник. 2003. № 3.

¹⁸ См., например: Выступление министра иностранных дел РФ на международной конференции «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях» (2 ноября 2000 г., Москва) // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 3—9.

ставляется, это позиция вчерашнего дня, а ее аргументы не отличаются корректностью: якобы при отстаивании первенства прав человека сам институт государства объявляется главным виновником нарушений этих прав, «размывается» принцип государственного суверенитета, доктрина гуманитарного вмешательства заведомо предполагает неравенство и произвол в отношениях между государствами. На самом же деле смысл не в расшатывании основ государства (суверенитета, невмешательства, границ), а в том, чтобы они уже не использовались для обоснования вседозволенности и неприкасаемости (а в связи с этим нередко как следствие — и произвола) в отношении политического режима и прав личности.

Потребность времени — *дальнейшая гуманизация международного права*. В данном случае речь идет не о последующем развитии такой его отрасли, как права человека. Задача же в том, что международное право должно стать менее «этатистским» (правом на уровне государств и межгосударственных структур и только для них). Традиционно оно развивалось как право государств, как регулятор межгосударственных отношений. Но в настоящее время участниками международного общения являются и оказывают на него все растущее влияние также неправительственные структуры — ТНК, СМИ, международные неправительственные (общественные) организации, объединения физических и юридических лиц. Соответственно, все большее значение на международной арене приобретают индивидуальные и частные права и интересы.

Растущее стремление к строительству цивилизованного правового государства во многих странах предполагает наличие развитого гражданского общества и возможность его влияния на государство. Вполне обоснованно говорить о необходимости наличия и *мирово-*

го гражданского общества и его воздействия на сообщество государств и межгосударственных организаций. Применительно к ООН в «Докладе тысячелетия» Генеральный секретарь подчеркнул необходимость внести коррективы в работу Организации, чтобы она могла в полной мере использовать потенциал гражданского общества¹⁹. В частности, по Плану действий, разработанному Секретариатом ООН, роль гражданского общества может быть значительной в содействии подписанию и ратификации многосторонних договоров, а в Декларации тысячелетия государства — члены ООН поставили задачу предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ Организации.

Международное право и международные институциональные образования не могут функционировать и развиваться без учета тенденции его гуманизации. Показательно это на примере деятельности даже Международного суда. Являясь по своему назначению сугубо межгосударственной структурой, главным судебным органом ООН по разрешению споров между государствами и предоставлению консультативных заключений по запросам уполномоченных органов ООН и межправительственных организаций, Суд в подавляющем большинстве случаев на протяжении всей своей деятельности воздерживался от прямых предписаний в отношении органов государств, физических и юридических лиц.

Однако в некоторых консультативных заключениях и решениях последних лет Суд переломил эту традицию, сформулировав непосредственно обязательства государственных органов, включая суды, что свидетельствует о возрастаю-

¹⁹ См.: UN doc. A/54/2000.

щем признании примата международных обязательств в случае их конфликта с национальным правом. Кроме того, в деле братьев Ла Гранд Международный суд констатировал не только нарушение США своих обязательств по Венской конвенции 1963 г. о консульских сношениях, но и прав физических лиц, непосредственно вытекающих из Конвенции²⁰.

Международное право, привычно трактуемое как совокупность принципов и норм, регулирующих отношения между государствами, меж-

дународными межправительственными организациями, государственно-подобными образованиями, очевидно, со временем будет международным правом в более широком смысле. Оно все чаще будет включать в сферу своего регулирования негосударственные структуры и индивидов. Еще из оговорки Ф. Ф. Мартенса вытекает, что международное право действует не только в отношении государств, но и непосредственно в отношении людей. Есть основания ожидать, что международное право XXI в. будет правом человека.

